

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

Кафедра романо-германской филологии и переводоведения

**Языковые средства реализации диалога культур в художественном тексте
(на материале романа Дж. Клавелла «Сёгун»)**

**АВТОРЕФЕРАТ
ВЫПУСКНОЙ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ РАБОТЫ БАКАЛАВРА**

студента 4 курса 421в группы
направления 45.03.01 «Филология»
Института филологии и журналистики
Богданова Максима Александровича

Научный руководитель

д.ф.н., профессор

(подпись, дата)

М. Ю. Колокольникова

Зав. кафедрой

к.ф.н., доцент

(подпись, дата)

Т. В. Харламова

Саратов 2020

Введение. В настоящее время к числу основных направлений в области изучения художественного текста относится лингвокультурологическое, в рамках которого художественное произведение рассматривается в первую очередь как источник национально-культурной информации, а, следовательно, и как средство межкультурной коммуникации. При подобном подходе особый интерес представляет лексический уровень языка и прежде всего те единицы, в смысловой структуре которых содержится национально-культурный компонент. К такого рода единицам, несомненно, относятся слова-реалии. Их изучением занимались такие исследователи, как С. Влахов и С. Флорин, Г. Д. Томахин и др. Опыт исследований на материале различных языков показывает, что для последовательного и непротиворечивого описания подобных лексических единиц (как, впрочем, и других лексических групп) необходимо анализировать не только их структурно-семантические свойства, но и коммуникативно-дискурсивные.

Этим обусловлена **актуальность** настоящей работы, которая посвящена изучению специфики языковой репрезентации диалога культур в тексте произведений художественной литературы.

Источником материала исследования послужил роман Дж. Клавелла «Сёгун», повествующий о судьбе англичанина, оказавшегося в Японии XVII века.

Материалом исследования послужили 97 лексических единиц, выделенных методом сплошной выборки из текста исследуемого романа. Данные единицы служат средством реализации диалога культур и создания национально-культурного колорита в исследуемом произведении. Некоторые из них употребляются несколько десятков или сотен раз с общей частотностью в 21 184 употреблений.

Цель данной работы заключается в исследовании лексико-семантических средств реализации диалога культур в романе Дж. Клавелла «Сёгун».

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие

основные задачи:

- 1) проанализировать основные положения теории диалога культур и межкультурной коммуникации;
- 2) выделить методом сплошной выборки из текста анализируемого произведения лексические единицы, способные передавать информацию национально-культурного плана;
- 3) дать качественный и количественный анализ выделенных лексических единиц;
- 4) проанализировать семантические свойства изучаемых лексических единиц и дать их классификацию;
- 5) определить особенности функционирования этноспецифических лексических единиц в романе Дж. Клавелла «Сёгун».

Новизна настоящей работы состоит в том, что впервые на материале романа Дж. Клавелла «Сёгун» изучаются особенности лексико-семантической реализации диалога культур. Работа вносит вклад в дальнейшее изучение реалий как особого слоя лексики, их функционирования в художественном тексте и их взаимодействия с общеупотребительными лексическими единицами.

В работе используются следующие **методы**: контекстуальный, анализ словарных дефиниций, компонентный анализ, элементы количественного анализа.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы.

Основное содержание работы. В главе 1 рассматриваются понятия «диалог культур», «межкультурная коммуникация» и «реалия». Основное внимание уделено особенностям реализации «диалога культур» в художественном тексте, где данная форма межкультурной коммуникации имеет разнообразные формы проявления. В главе также рассматриваются

главные характеристики реалий и приводятся подходы к их классификации.

Диалог культур находится на стыке языкового и социального взаимодействия и межкультурной коммуникации. В отличие от других форм взаимодействия, диалог культур предполагает, что участники происходят из разных культурных сообществ. Это в свою очередь подразумевает, что у них будут различные мнения о взаимодействии и его правилах. Основной целью диалога культур является достижение понимания особенностей представителей других культур, что служит первым шагом к согласию и сотрудничеству в самых различных сферах.

Некоторые исследователи утверждают, что как и диалог в целом, диалог культур служит отправной точкой для достижения его участниками в дальнейшем тех или иных целей, поскольку у них появляются навыки и компетенции в области межкультурной коммуникации.

Диалог (в широком его понимании) в течение долгого времени был общепринятой темой исследований, которой уделялось внимание в сфере коммуникации. Праотцами последней часто называют Мартина Бубера и Михаила Бахтина. В сущности, целью диалога считают «подлинный/аутентичный диалог».

Диалог культур — одна из наиболее значимых для культурной динамики форм культурной коммуникации. Причем язык как предпосылка диалога культур приобретает все большую значимость в научных исследованиях. Особое внимание уделяется изучению тех языковых единиц, которые способны служить средством передачи национально-культурной информации, содержат в своей смысловой структуре этно-специфический компонент и, следовательно, способны давать представления о реалиях, связанных с жизнью той или иной лингвокультурной общности.

Общеизвестно, что художественные произведения способствуют развитию межкультурной коммуникации и взаимопонимания между

представителями разных культур. В «Скрытом измерении» Э. Т. Холл предлагает использовать литературу в качестве «ключа к пониманию» культуры как таковой: из художественных произведений, принадлежащих разным культурам, можно получить данные о жизненном опыте и восприятии окружения различных народов как «значительного культурного фактора», говорит автор.

У межкультурной коммуникации существует множество определений, при этом большинство из них так или иначе выделяют основные ее черты, а именно:

1) отправитель и получатель сообщения должен принадлежать к разным культурам;

2) для межкультурной коммуникации необходимо, чтобы её участники осознавали свои культурные отличия;

3) межкультурная коммуникация является межличностной коммуникацией в специальном контексте, где один участник обнаруживает культурные отличия у другого участника;

Явление межкультурной коммуникации может рассматриваться в рамках взаимодействия автора и читателя (так называемая внешняя межкультурная коммуникация) и между персонажами непосредственно внутри художественного произведения (внутренняя межкультурная коммуникация). Именно последнее нам и интересно в контексте данного исследования.

Таким образом, художественный текст может рассматриваться не только как средство передачи идейно-художественной и эстетической информации, но и национально-культурной информации, может служить источником материалом для изучения процесса межкультурной коммуникации.

При лингвистическом подходе к изучению диалога культур особое внимание уделяется лексико-семантическим средствам, так как лексика является наиболее подвижной, открытой частью языка, которая самым непосредственным образом связана с экстралингвистической реальностью.

Вследствие этого, лексические единицы в первую очередь включают в свое значение национально-культурный компонент. Сказанное относится прежде всего к словам-реалиям.

Болгарские переводчики С. Влахов и С. Флорин, которые первыми провели глубокое изучение реалий, обозначили современный смысл этого слова. Они полагают, что реалии — это слова и фразы, обозначающие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые, незнакомые для другого.

Существуют различные классификации реалий. Широкое распространение получила классификация на основе тематического принципа, предложенная С. Влаховым и С. Флорином. Мы берем за основу их классификацию, но у нас она расширена именами собственными. В это понятие входят имена персонажей, названия поселений, местностей, названия организаций, всё это служит для придания произведению определённого колорита.

Реалии можно рассматривать как наиболее яркие знаки культуры, как выразители национального колорита. Будучи носителями информации о культуре, они содержат уникальные специфические смыслы, связанные с явлениями, которые свойственны одной культуре и отсутствуют в другой. Кроме того, они являются наиболее регулярными и наиболее частотными единицами с национально-культурной спецификой.

В главе 2 дается характеристика источников материала исследования и рассматриваются основные лексико-сематические средства реализации диалога культур в произведении американского писателя Дж. Клавелла «Сёгун» («Shogun»). Данный роман был выбран в качестве источника материала настоящего исследования в связи с его поликультурным характером. Дж. Клавелл воспроизводит исторические, религиозные и политические события, знаменательные для нескольких культур.

«Сёгун», первый исторический роман Дж. Клавелла о феодальной

Японии, был опубликован весной 1975 года. Текст романа содержит в себе сведения о социально-политической ситуации, вкусах, материальных и духовных ценностях данного исторического периода. Эпоха изображается через призму восприятия разных персонажей, причем не только японцев, но и представителей других этносов. Одним из главных действующих лиц романа является англичанин, представляющий интересы своей страны на стратегической карте Японии. Его политический враг, но также друг в зависимости от обстоятельств — испанец, находящийся на службе у церкви, занимающейся распространением христианства на территории языческой, по мнению большинства государств Европы того времени, страны Восходящего Солнца. Следовательно, мы можем вывести «культурный треугольник» данного произведения: Англия — Япония — Испания.

Каждый из персонажей романа имеет свой характер и свою точку зрения по поводу всех происходящих в произведении событий, каждый из них так или иначе выражает свое мнение, представляет культуру своего народа.

На первом этапе исследования из текста изучаемого произведения Дж. Клавелла методом сплошной выборки было выделено 38 контекстов, содержащих в себе лексические единицы, служащие основным средством реализации диалога культур в изучаемом произведении Дж. Клавелла. Всего было зафиксировано 97 подобных единиц: 86 из них принадлежат к группе «реалии», 11 относятся к группе «общеупотребительная лексика». Многие из выделенных лексем употребляются несколько десятков или сотен раз. Общее число словоупотреблений — 21 184.

Безусловно, общеупотребительная лексика на уровне системы языка в целом не обладает теми же свойствами и функциями, что и слова-реалии, но под влиянием контекстных условий в смысловой структуре подобных единиц также появляется национально-культурный компонент. Из-за того, что выделенные общеупотребительные лексические единицы на уровне языка не обладают национально-культурной окраской, их сложнее обнаружить, в связи с

чем вышеобозначенный слой лексики представляет особый интерес для данного исследования.

К числу реалий, выделенных методом сплошной выборки из текста романа, относятся и этнонимы, что обусловлено сюжетом романа и его поликультурным характером. Этнонимы несут в себе ценную историческую и лингвистическую информацию. Они являются основными средствами выражения национальной идентичности в языке в целом и, как следствие, играют важную роль в реализации категории «свой/чужой». Высокая частотность употребления этнонимов в рассматриваемом романе обусловлена тем, что именно национальная принадлежность того или иного персонажа во многом определяет его место в произведении, его характер, систему ценностей, отношения с другими персонажами. Этнонимы часто используются в обращениях персонажей друг к другу, выполняют назывную функцию.

«That's the trouble with all Ingeles. No patience. ...».

В данную подгруппу нами включена и такая лексема, как *Barbarian*, которая по своим свойствам отличается от собственно этнонимов. Однако она близка им по своим функциям в романе и является важным средством передачи информации культурно-национального и исторического плана, а также средством репрезентации национальной идентичности. Примечательно, что данное слово, имеющее выраженную негативную окраску, используется как японцами по отношению к представителям европейских наций, так и самими этими представителями по отношению к японцам. Таким образом, основанием для употребления рассматриваемой лексемы в качестве характеристики того или иного персонажа является преимущественно не его личные качества, а национальная и религиозная принадлежность:

«Christ! They're barbarians! Lunatics! ».

«How to dominate a barbarian - a Christian filth eater?».

Еще один слой лексики, который играет важную роль в анализируемом романе Дж. Клавелла, представлен именами собственными-антропонимами. По

словам В. С. Виноградова, имена собственные называют действительно существующий или выдуманный объект мысли, единственный в своем роде и неповторимый. В каждом таком имени обычно содержится информация о локальной и национальной принадлежности обозначаемого им объекта. Национальная маркированность имен собственных особенно четко проявляется в условиях межкультурной коммуникации, особенно если речь идет о представителях не только разных наций, но и рас или цивилизаций.

В романе Дж. Клавелла имена персонажей не только выделяют тот или иной персонаж среди других персонажей, но и указывают, к какому этносу он относится. С этой точки зрения представляется целесообразным разделить имена персонажей на 3 подгруппы: японские, английские и испанские имена собственные. В первую подгруппу входят *Toranaga* (1978), *Anjin-san* (1186), *Mariko* (886), *Ishido* (556), *Yaemon* (75), *Goroda* (49). Следующая подгруппа представлена английскими именами собственными: *Blackthorne* (1568) и *Vinck* (139). Последняя подгруппа состоит из испанских имен собственных и включает в себя четыре единицы: *Vasco Rodrigues* (333), *Father Alvito* (276), *Ferriera* (113) и *Dell'Aqua* (109).

Имена собственные антропонимы способны быть знаком не только принадлежности к определенной нации, но и приобщения к новой культуре, к новой религии. Так, в «Сёгуне» присутствует эпизод обращения японцев в христианство, где им присваивают христианские имена.

«*"They are my flock, senor. They are all my sons in the Blessed Lord Jesus. I've converted so many here - this one's John, and here's Mark and Methuselah...."*».

Особого внимания в этом отношении заслуживает имя *Anjin-san* (1186). Оно дано японцами Джону Блэкторну — англичанину, капитану голландского корабля «Эразмус», выброшенного в результате шторма к берегам Японии. Имя собственное *Anjin* переводится как *штурман*. Данное «прозвище», впоследствии становящееся полноценным именем. Стоит сопоставить его с английским именем персонажа, т. к. частотность употребления этих двух имен

одного персонажа меняется от главы к главе. С точки зрения перехода Блэкторна в японскую культуру ключевым эпизодом в романе является сцена тайной встречи Джона, Ябу-сана и Оми-сана. Именно тогда происходит «смерть» англичанина Джона и «рождение» японца Анжин-сана. Именно с этого момента возрастает частота употребления японского имени героя, тогда как английского — сокращается.

«His name was John Blackthorne and he was alone on deck but for the bowsprit lookout — Salamon the mute — who huddled in the lee, searching the sea ahead».

«... from now on his name is Anjin-Pilot-neh? When he merits it, he will be called Anjin-san».

«Here the Anjin-san's a samurai and hatamoto. At sea perhaps he's a pirate».

«Yabu was watching the Anjin-san - the tall, arrogant stance, feet slightly apart, swaying so easily with the pitch and toss of the waves, seemingly part of the ship, so huge and strong and different».

В данных контекстах показывается отношение японцев к англичанину в их первую встречу и по прошествии некоторого времени. В первый раз они относятся к нему как к варвару, не признавая в нем ничего человеческого и отказываясь приставлять к его имени частицу *-сан*, что показывает их неуважение к нему. Хотя в дальнейшем Блэкторн заслуживает титулы *самурай* и *хатамото*, его все еще считают пиратом достойным смерти.

Проведенное исследование показало, что в тексте художественного произведения средством передачи национально-культурной информации могут быть не только слова-реалии, но и общеупотребительные лексические единицы, не содержащие в языке в целом в своей смысловой структуре этноспецифических компонентов. Это обусловлено причинами как лингвистического, так и экстралингвистического характера. Известно, в частности, что в художественном тексте значение лексем может обогащаться за счет появления новых компонентов, в том числе и национально-культурного плана. Важно также, что одни и те же объекты и явления действительности при

всем сходстве могут иметь свои особенности в отдельных культурах.

Показательно в этом отношении существительное *garden*, которое в тексте романа частотно и встречается 131 раз. В исследуемом произведении данное существительное прежде всего ассоциируется с Японией и приобретает в силу этого национально-культурную окраску, становится обозначением такой известной в наше время во всем мире реалии, как *японский сад*. Однако в эпоху, когда происходит действие романа, европейцы еще только знакомились с этим уникальным явлением. Неудивительно поэтому, что при описании сада постоянно подчеркивается, что это что-то необычное, что-то, чего главный персонаж, т. е. Блэкторн, никогда раньше не видел. Иными словами, сад представлен через восприятие представителя другой культуры, а именно английской.

«The garden was unlike anything he had ever seen: a little waterfall and stream and small bridge and manicured pebbled paths and rocks and flowers and shrubs. It's so clean, he thought. So neat».

«The garden within its walls was neat and serene and worthy».

Проведенное исследование также показало, что в качестве средства создания национально-культурного колорита в художественном тексте могут использоваться не только лексемы, обозначающие материальные объекты, но и те единицы, которые обозначают абстрактные (духовные) сущности. В нашем материале это прежде всего существительные *life* и *death*, которые здесь употребляются 408 и 297 раз соответственно.

Данные единицы относятся к «философской лексике», которая была определена в данной работе как понятие более широкое, чем философский термин, включающее помимо собственно философского термина (авторского и не авторского) и общеупотребительные слова, частотность которых в философских текстах значительно выше, чем в обыденной речи.

Японцы XVII века (согласно роману) воспитывались таким образом, что они были готовы в любой момент отдать жизнь за своего господина. Смерть

для них была обыденным явлением. Ценной была только жизнь, стоящего выше по рангу. Обычного крестьянина могли убить без суда только за то, что он не отдал поклон. Одна из основных персонажей романа, Мариико-сан, в диалоге с Блэкторном наиболее полно объясняет все мировоззрение японцев, их отношение к жизни и смерти. Это еще раз подтверждает тот факт, что национально-культурная специфика предмета или явления оказывается очевидной только в процессе межкультурной коммуникации:

«Perhaps that is why we love life so much, Anjin-san. You see, we have to. Death is part of our air and sea and earth. You should know, Anjin-san, in this Land of Tears, death is our heritage».

Заключение. Проведенное исследование позволяет говорить о том, что художественные тексты (особенно поликультурного характера) служат важным источником изучения диалога культур как формы межкультурной коммуникации.

Среди языковых средств реализации диалога культур особо выделяются единицы лексико-семантического уровня. В первую очередь это относится к словам-реалиям, способным отражать самые различные аспекты той или иной национальной культуры, ее традиции, обычаи, менталитет. Вместе с тем проведенное исследование показало, что в тексте художественного произведения способность служить средством передачи национально-культурной информации могут приобретать и некоторые общеупотребительные лексические единицы. Решающую роль в этом процессе играет контекст: как широкий культурно-исторический (экстралингвистическая реальность), так и узкий (непосредственное лексическое окружение). Под влиянием контекста у лексем появляются, в частности, лексико-семантические, тематические, ассоциативные связи, не присущие им в языке в целом.

У диалога культур есть несколько аспектов, требующих глубокого изучения. Один из них — динамика, которая очень четко прослеживается в романе британского писателя Дж. Клавелла «Сёгун». Так, один из главных

персонажей романа, англичанин Джон Блэкторн, волей случая попадает на Японские острова. В соответствии с местными обычаями он «утрачивает» свое английское имя Блэкторн и получает вместо него прозвище *капитан*, или *Anjin*. В процессе общения с носителями японской культуры Блэкторн заслуживает уважение с их стороны, что находит отражение в использовании добавочного суффикса *-san* к его японскому имени.

На динамическую природу диалога культур указывает и тот факт, что лексемы, служащие средством создания национально-культурного колорита, а, следовательно, и реализации категории «свой / чужой» («свое» осознается только на фоне «чужого»), по мере развития повествования могут менять свое оценочное значение.

Предложенный подход может быть использован и при анализе других произведений этого автора или на материале произведений других писателей, которые обращаются к теме взаимодействия представителей различных наций и культур.